
ЮРИДИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА

© 2018 г.

Ю.С. ВАЩЕНКО

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Ващенко Юрий Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Волжского университета им. В. Н. Татищева (Тольятти, Россия) (E-mail: drown@mail.ru).

Vashchenko Yuriy S. — PhD in Law, associate Professor, professor of chair of Civil Law and procedure law faculty of the Volga University V. N. Tatishchev (Tolyatti, Russia) (E-mail: drown@mail.ru).

Аннотация: в статье рассматривается целый пласт иноязычной лексики, попавшей в юридические тексты нормативно-правовых актов, что было обусловлено зарождением государственных образований, эволюцией самого языка и права; проводится анализ смысловых значений некоторых терминов, их этимологий, что во многом способствует осмыслению глубины языкового понимания и решению возникающих лингво-юридических проблем и перспектив заимствования иностранных терминов как для расширения горизонта понимания законодательных текстов, так и для заполнения языковых лакун в юридическом языке.

Abstract: the article examines the whole layer foreign language vocabulary, has fallen into the legal texts of legal acts, which was due to the birth of the state formations, the evolution of language and the law; the article analyzes the meanings of some terms and their etymologies, which largely contributes to the comprehension of the depth linguistic understanding, address emerging linguistic and legal issues, and foreign terms of borrowing prospects for expanding the horizon of understanding of the texts and fill linguistic gaps in legal language.

Ключевые слова: иноязычная лексика, история заимствования иностранных слов в русском языке, методологический и лингвистический анализ иноязычных терминов в законодательных актах, пути решения проблем заимствованных терминов в юридических текстах.

Key words: foreign vocabulary, history of borrowing of foreign words in Russian, methodological and linguistic analysis of foreign terms in legislative acts, problems and ways of decision of the adopted terms in legal texts.

Заимствование чужих иноязычных слов в юридической сфере в устной и письменной речи происходило всегда, и связано это было с освоением самим языком новых жизненных реалий, понятий, явлений, предметов и пр. Однако выявление причин заимствования проводилось без достаточной дифференциации как языковых, так и внешних, неязыковых факторов. Как правило, это было связано с освоением новых вещей и понятий, которых до этого в языке-рецепторе не было. Помимо чисто языковых моментов к ним можно отнести и другие причины, различные по своему характеру: «социальные, психические, эстетические и т.п., потребности в новых языковых формах, в расчлениении понятий, в разнообразии средств и в их полноте, в краткости и ясности, в удобстве»¹.

Иногда это было связано с необходимостью разграничить и уточнить смысловые и стилистические

оттенки исконно русского и заимствованного слова. Так, с появлением гостиниц в русский язык вошло французское слово *портье*, которое является языковым аналогом русскому словосочетанию *слуга в гостинице, или привратник*, недостаточно ясно указывавшему на сферу профессиональной принадлежности и явно сужавшему сферу самой деятельности.

Следует также учитывать и тот факт, что русский язык (как, впрочем, и другие языки) всегда стремится к экономии своих языковых средств, обозначая сложное сочетание слов одним термином, например одно слово *снайпер* заменило сочетание таких слов, как *стрелок высшей квалификации; турне* стало употребляться вместо громоздкого словосочетания *путешествие по круговому маршруту; а мотель* — вместо *гостиница для автотуристов*².

¹ Крысин Л. П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.

² См.: Универсальный словарь иностранных слов русского языка / под ред. Т. Волковой. М., 2001. С. 366, 451, 540, 592.

Попадая в русскую языковую стихию, иноязычные слова начинали ассимилироваться. Сначала они приспособлялись к звуковой системе нашего языка, затем начинали следовать правилам русского словообразования и словоизменения.

Особенно это стало сказываться с появлением и расширением интернет-пространства, когда в русском языке началась настоящая экспансия англо-американизмов. С учётом того, что английский язык — международный, они буквально ворвались в сферу высоких технологий, где образовался “русский вокабуляр”, не заполненный новыми терминами и понятиями, и возникла потребность в новых словах — обозначениях. В первую очередь это произошло в сфере компьютерных технологий, например *компьютер, сайт, баннер, браузер, дисплей, файл, интерфейс, принтер и др.*, в экономической и финансовой жизни — *бартер, брокер, ваучер, дилер* и т.д., включая и менее специализированные области человеческой деятельности, такие как *имидж, презентация, номинация, спонсор, видео, шоу* (курсив мой. — Авт.)³.

Впоследствии для законодательного обеспечения сфер его действия и нормативного регулирования правовых актов многие из заимствованных слов составили базовый каркас положений конвенций и хартий международного права, подписантом которых впоследствии становились и Советский Союз, и его правопреемник — Российская Федерация.

Сам процесс истории языкового заимствования рассматривался в неразрывной связи с культурными и иными контактами двух разных языковых сообществ как часть огромного влияния в местах селения и компактного проживания славянских племён. Это происходило всегда и везде и было связано с бытом славян, результатом первых контактов с варягами, людьми Дикого поля и др. этносами. Вначале это были хазары (до конца X в.), которых сменили печенеги (до середины XI в.), а с 1068 г. главными соседями Руси со стороны Причерноморья, с которыми шла постоянная вражда, становятся половцы (куманы), завоеванные в 1237–1240 гг. татаро-монголами.

Принято считать, что тюркизмы проникали в современный русский язык из татарского языка, что далеко не так. Несмотря на то что Русь оказалась под властью татаро-монгольского ига на протяжении двух с половиной столетий, заимствование шло не только в устной речи, но и находило

свою фиксацию задолго до нашествия Золотой Орды. Например, традиционное слово *лошадь* (тюрк. *алаша-ат*) читается в “Повести временных лет”, датируемой 1111-м годом. Заимствование из тюркских языков касалось названий предметов быта (одежды, вооружения), а также титулов и званий тюркских правителей: скажем, *сабля* (“Начальная летопись” и “Слово о полку Игореве”); *япанча* — покрывало (“Слово о полку Игореве” в форме *япончица*); *когань* — титул хазарского правителя, затем после разгрома Хазарского каганата он стал одним из титулов киевских князей (“Слово о Законе и Благодати”, “Слово о полку Игореве”, включая надписи-граффити на стенах Софийского собора в Киеве). Сокращенная форма того же титула — *хан*. Интересно и то, как было переосмыслено в русском языке слово *кощей* (тюрк. *кош-чи*) — невольник, пленник (“Слово о полку Игореве”). Произошло это по сходству с исконно славянским прилагательным *кощнь* (от слова *кость*), *кошлявый, худой*, что вполне естественно, так как половецкие пленники, конечно, не могли быть особенно упитанными. Отсюда сказочный образ злого старика Кашея Бессмертного, который “над златом чахнет”⁴.

Контакты с иноземцами не могли не отразиться на политике, развитии самого общества и государственного устройства, включая целый пласт слов и выражений юридических терминов, которые стали базовой основой юридических текстов в источниках русского права. Так, Древнерусское государство заключало различного рода международные договоры с Византией, Хазарией, Болгарией, Германией, с венграми, варягами, печенегами⁵. Большое влияние оказывали правовые обычаи, поэтому договоры могли заключаться как в устной, так и в письменной формах. Наиболее известными договорами, содержание которых передаётся в русских летописях, являются договоры Руси с Византией 911 и 944 гг., где содержатся нормы как византийского, так и русского права. Так, в договоре, заключённом между князем киевским Игорем и византийским правительством, помещённом в “Начальной летописи” летом 945 г., можно прочитать о золотых и серебряных печатях, которые имели при себе послы киевского князя. Как свидетельствует археология, анонимные печати, отмеченные каким-либо фамильным знаком или гербом (без имени), ни разу не встречались, только если печать была снабжена надписью с именем её

³ См.: Крысин Л.П. О русском языке наших дней. М., 2002. Почти все из перечисленных терминов уже полностью ассимилировались в русском языке.

⁴ См.: Мещерский Е. История русского литературного языка // URL: <http://ksana-k.narod.ru>

⁵ См.: URL: www.istoriya.org/rus/95-drevnerusskoe/351-istochniki.html

владельца. В тексте того же договора можно прочитать: *“Нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему: иже посылеми бывають от них поели и гостье, да приносятъ грамоту, пишущие сице: яко послахъ корабль селико”*.

Это несомненно свидетельствует о том, что во времена князя Игоря в Киеве при его дворе была канцелярия, которая выписывала грамоты-удостоверения кораблям купцов, направляющихся торговать в Константинополь⁶.

В X–XI вв., когда происходило становление Древнерусского государства, большую роль в развитии русского права сыграло так называемое княжеское законодательство. Действия самих законов не выходили за территорию самого удельного княжества, законы были подвижными и преследовали интересы княжеского двора, применялись наряду с обычаями и выступали по отношению к ним в качестве дополнительного источника. Подлинники удельного законодательства до нашего времени не дошли. Сохранились только отдельные церковные уставы князей, в которых определялись статус самой церкви и вопросы, относящиеся к подсудности церковных судов, так как княжеский суд принимал решения, направленные в первую очередь на сохранение власти князя и его челяди. Тогда при монастырях жили монахи-летописцы, которые помимо “светской хроники”, событий, определявших ход и уклад той жизни в складывающихся феодальных отношениях, вели записи о монастырско-церковном мироустройстве. Впоследствии с развитием церковнославянского языка, на котором совершалось богослужение (XIII–XIV вв.), записи, канонизировавшие церковную службу и жизнь, вошли в монастырские уставы и способствовали становлению уже церковного права.

Религия не только цементировала сознание людей, но и во многом способствовала становлению светского и церковного права, что явилось логическим завершением договорных отношений с Византией (X–XI вв.). Установление торгово-договорных связей способствовало распространению византийского законодательства на Руси.

Наиболее известным памятником древнерусского права является “Русская правда”, которая “отражает переход от родо-племенного строя к классовому обществу и рассматривается исследователями как памятник феодального права, как нормативно-правовой документ Древней Руси, сборник всех законов и правовых норм, существовавших в 10–11 веках”.

Она объединила в себе не только княжеские указы и действовавшие на основе обычаев законы, но и другие административные документы, издававшиеся самыми разными инстанциями. “Русская правда” играла также роль общегосударственного судебника, по нормам которого вершилось правосудие в Древнерусском государстве. Если говорить о структурной основе данного документа, то обнаруженные исследователями тексты “Русской правды” принято делить на три основные редакции: “Краткая Правда” — это объединенные в рамках одного текста законодательные постановления и судебная практика Ярослава Мудрого и его сыновей (XI в.); “Пространная Правда” — законодательство Ярослава и Ярославичей, соединенное с новациями Владимира Мономаха и других князей (XII в.), а уже после распада Киевского государства была создана “Сокращённая Правда” (XIII в.)⁷.

Что касается языков, откуда шло заимствование, то здесь присутствуют диаметрально противоположные мнения. Так, учёный-языковед С. П. Обнорский в своих работах о языке “Русской правды” пришёл к выводу о том, что в тексте свода законов преобладают восточнославянские речевые элементы древнерусского языка, на котором и был составлен сам документ. Отсюда, как считал он, это полностью исключает заимствование из болгарского языка (“присутствие болгаро-византийской культуры”), относящегося к группе южнославянских языков. Академик-лингвист А. М. Селищев указывал на наличие в “Русской правде” (по списку “Новгородской кормчей”, 1282 г.) систематического употребления разнообразной лексики из южнославянской языковой группы, где чаще всего встречается присущая этим языкам приставка *раз-*, а не восточнославянские элементы языков с приставкой *роз-*, имеющие в словах, взятых из этого документа: *разбои, разбоиникъ, разграбление, разнаменати*. По наблюдениям этого учёного слова с аналогичной приставкой нередки и в других древнейших памятниках деловой письменности XIII в., скажем, в договорных грамотах Новгорода с русскими князьями.

В русском языке различают три вида анализа (членения) слов: морфемный, словообразовательный (современный аспект членения), этимологический (исторический аспект) и морфемно-этимологический. Словообразовательный анализ отвечает на вопрос, “как образовано это слово”, из каких морфем создано. Выявляется его

⁶ См.: там же.

⁷ См.: Тихомиров М. Н. Исследование о “Русской правде”. М., Л., 1941.

производящая основа, от которой при помощи словообразовательных аффиксов (приставок, суффиксов) образовано производное слово. Но чаще всего прибегают к морфемному анализу. При этом выделяются “все живые” морфемы, т.е. все значимые части анализируемого слова (корневая основа, приставка, суффикс, окончание, соединительные гласные -о, е). Если необходимо выяснить происхождение и историческую структуру слова, то прибегают к этимологическому анализу. Этот анализ довольно сложный: следует установить не только факты современного языка, но и его фонетические, грамматические и лексические законы, привести данные родственных языков⁸. Поэтому чаще всего прибегают к морфемно-этимологическому анализу, сочетая преимущества и того, и другого способа языкового членения. В любом случае наилучшие интерпретации проистекают из того, что предшествует, и из того, что следует. Хорошо об этом сказал один из разработчиков социологического способа толкования Ж. Карбонье: чтобы объяснить фактическую жизнь закона, очевидно недостаточно обращаться лишь к тому, что предшествовало его принятию. То, что происходило затем, — это тоже реальность закона, его применение на практике⁹.

В “Русской правде” судебные нормы содержали статьи, которые включали диспозицию правонарушения и санкцию. Чтобы легче было ориентироваться в фонетических и морфологических изменениях, происходящих в юридических терминах, обратимся к тому, как это происходило. Фонетические изменения, влияющие на звуковую и графический облик слова, легче проследить в чередовании звуков, когда в пределах одной и той же морфемы происходит замена одних звуков другими. Например, чередование согласных, но не гласных: а) переднеязычные д//с (веду — вести процесс), заднеязычные г//ж (избегать — избежать наказание), группа согласных ск//из (искать — ищущу — изыщу смягчающие обстоятельства); б) гласные о//а (допросить — допрашивать подозреваемого), е//и, ноль звука//о (соберу — собирать — собрать — сбор доказательств), в) чередование полногласных и неполногласных сочетаний ва-ова: (глова — голова) и проч.¹⁰ В качестве примера возьмём общеславянское слово “правъ”, которое прежде всего означает: *прямой, справедливый, добрый, хороший* и лишь впоследствии — “*правый*”, откуда к нам пришло современное *право* в бытовом

и терминологическом понимании. С фонетической стороны это связано с чередованием беглых гласных “о” и “е”, например о//н⁰уль звука (беглое о), (сон-сна) или е//н⁰уль звука (беглое е) (день-дня). Дело в том, что в древнерусском языке были очень краткие самостоятельные гласные “о” и “е”, которые обозначались буквами Ъ и Ь. С течением времени эти гласные в сильном положении прояснились в гласные полного образования (Ъ → “о”, Ь → “е”), а в слабой позиции исчезли¹¹.

Поэтому беглые гласные о и е в современном языке — результат чередования в древнерусском языке гласных Ъ и Ь в их сильном и слабом положениях: “сѣнь”, “сѣна”, “дѣнь”, → “сон”, “сна”, “дѣня” → “день”, “дня” и по аналогии с ними “правѣ”, “право”. Сравните: “правый человек”, “живущий право”, “праведно”, “по правде”; “правое дело”, “правдивое”, “справедливое”, “законное”; и наконец, “право — власть и воля в пределах закона”¹².

Южнославянским заимствованием (иначе говоря, болгарским по своему происхождению) языковед А. М. Селищев признавал и термин *вражда*, также постоянно встречающийся в названном юридическом памятнике. К этому необходимо присоединить нередко встречающиеся флексии (окончания) на -аго-, (-аго-): *вѣтхого, боярьскаго, свободнаго* и др., а также личное местоимение — азъ- во фразе: “Азъ емлю тѣ” (в переводе с древнерусского яз.: “Я слушаю тебя”).

Проводя историко-этимологический анализ приставки -раз-(-рас-) (встречаются только под ударением) и -роз- (-рос-), следует сказать, что первая приставка в сочетании с глаголами и прилагательными выражает: “разъединение, уничтожение, распространение, полноту проявления признака” и т.д. Чаще всего она встречается в болгарском, сербохорватском, словацком, словенском (южная группа языков), а вот восточнославянские языки с приставкой -роз- (-рос-) встречаются больше в чешском, польском, восточно-лужицком¹³. Следует отметить, что по приставке (в отличие, скажем, от суффикса) невозможно судить, к какой части речи относится слово; более

¹¹ См.: там же. С. 45.

¹² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. С. 312–315.

¹³ См.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 8-е изд. Т. 2. М., 2007. С. 95 (В названных приставках могут происходить фонетические изменения, скажем, под влиянием “оконья” или смещения ударения. Этимологически — раз(с) — и -роз(с) развести довольно сложно, поэтому точки зрения учёных-лингвистов носят скорее теоретико-дискуссионный характер, чем практику их языкового применения).

⁸ См.: Потиха З. А. Строение русского слова. М., 1981. С. 10, 311.

⁹ См.: Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 312, 313.

¹⁰ См. более подробно: Ващенко Ю. С. Филологическое толкование норм права. Тольятти, 2002. С. 44.

того, надо учесть, что одна и та же приставка, соединяясь с различными глаголами, может вносить в слово различные значения.

Примечательно и то, что В. И. Даль в своём словаре слова *разбой* и *разбойный* не без основания отсылает к глаголу *разбивать* “тюк товара, промышленять”. При этом он связывает названное слово с прилагательным — *разбойный* приказ, *разбойное* судно, а замыкает сказанное на глаголе *разбойничать*, в смысле “промышлять разбоем, грабить, нападать, отымать силою”¹⁴. А вот слово *разнаменати* переводится с древнерусского яз. (действовал с VI по XIII — XIV вв.) как *снять знаменье, уничтожить знак*¹⁵. Другой не менее интересный термин — голова (сравните: уголь — голова — уголовное), в котором происходит чередование полногласного и неполногласного сочетания *оло* и *ло*, встречается в тексте “Русской правды”, например “а ще не будет кто мстя, то 40 гривен и за голову, если в роду убитого некому осуществить кровную месть, то виноватый может искупить свою вину, уплатив 40 гривен за убитого” (голова в представлении законодателя — символ жизни; отсюда — переносное значение идёт на “убитого”, — “улика совершенного убийства”. Под влиянием этого переноса впоследствии возник разбираемый нами термин *уголовное право*¹⁶. Тем не менее говорить об оболгарении языка “Русской правды” тоже не следует. Вот что было написано акад. Е. Ф. Карским, издавшим текст “Русской правды” по её древнейшему списку ещё в 1930 г.: “Писцы того времени (имеется в виду время князя Ярослава I, когда впервые были зафиксированы статьи названного свода законов Киевского государства) ещё не успели выработать строго стилизованного на церковнославянский лад литературного языка..., вследствие чего в нашем светском памятнике так много чисто русских особенностей”¹⁷.

Другой не менее интересный с языковой стороны памятник древнерусской законодательной письменности — “Слово о Законе и Благодати” (XII–XIII вв.). Предполагаемым автором является первый русский по происхождению киевский митрополит Иларион, поставленный на эту должность князем Ярославом, сыном князя

Владимира — Крестителя земли русской вопреки официальному Константинополю, образованный и сведущий как в светских, так и в религиозных делах человек. Язык памятника — в основном старославянский, который являлся официальным литературным государственным языком древнекиевского государства¹⁸, так называемое *древнекиевское койне* (от греч. *κοινή* — общий) — общий язык, возникший на основе слияний нескольких диалектов. Киевское койне во многом определило нормы древнерусского литературного языка. Более того, оно во многом совпадало с нормами древнерусского литературного языка. На данном языке формировалась государственная практика, которая включала в себя доклады нижестоящих должностных лиц вышестоящим, отдавались распоряжения и оглашались указы князей, заключались договоры между русскими князьями, включая и международные договоры. Так же складывалась юридическая практика, куда вошли устойчивые формулы права, принятые при судебных разбирательствах. Шла наработка и формировалась практика публичных выступлений в виде обращений князей и воевод к воинам, шло клиширование “посольской речи”, выступлений на вече и на княжеских съездах. Если в первой части “Слова” автор говорит о вселенском характере христианства и делают ссылки на Ветхий Завет, то во второй её части речь идёт о мессианской роли русского христианства, а в третьей её части возносится хвала князю Владимиру, который следовал средневековой богословской идеи и стал просветителем, окрестившим Киевскую Русь, её апостолом. Вот как писал об этом автор “Слова” Иларион: “*Похвалим же и мы, по силе нашей, малыими похвалами кагану нашему Владимиру*”.

Официальная точка зрения исходит из того, что в рукописи преобладает старославянский литературный язык, который являлся общепринятым государственным языком древнекиевского государства. В качестве предмета языкового анализа возьмём наиболее интересные для нас фразы, например: “*Приде на землю посѣтитъ ихъ*”

¹⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1981. С. 13, 14.

¹⁵ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. Т. 2 (Л–П). СПб., 1902 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.twirpx.com/>

¹⁶ Авторскую версию происхождения термина “уголовное право” см.: Ващенко Ю. С. Указ. соч. С. 45, 46.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 137.

¹⁸ “Слово о Законе и Благодати” было впервые издано в 1844 г. А. В. Горским по единственному списку первой редакции памятника (Синодальный № 591). Полное название его звучит так: “О законе Моисеем данеом, и о благодати и истине Иисус Христом бывшим, и како закон отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера и вся языки простресе и до нашего языка (народа) рускаго, и похвала кагану нашему Владимиру, от негоже крещени быхом, и молитва к Богу от всеа земля наша”.

(Финл, 3, 21–22); “*Не придохъ разоритъ закона нъ исполнитъ*” (Финл, 2, 19–21)¹⁹.

Обратимся к ключевому слову *земля*. Оно известно многим языкам народов мира (в основном это восточнославянская группа языков), включая наш древнерусский и старославянский языки. Само значение слова *земля* очень многозначно (многозначно). Это и “земной шар”, наша планета, сама почва, “верхний слой коры планеты”, “суша”, материк, который традиционно противопоставляется водному пространству, “участок”, часть территории, границы, включая и такое устаревшее, как “страна”, государство²⁰.

Автор “Слова” Иларион при написании своего произведения в первую очередь имел в виду страну — Киевское княжество. Если выделить корневую основу этого термина — *земь* — (земля), то древнерусский язык под этим словом понимал также “мир, народ, низ, имение (земельная собственность)”.

От этого корня *земь* были образованы такие слова, как *земства* — система местного самоуправления в царской России, вновь возвращённое в лексику *землевладелец* и такое уже полузабытое нами, как *землянин* (в смысле гражданин)²¹. Что касается юридической составляющей этого слова, то его многозначность не могла не сказаться на нашем законодательстве. Так, по ст. 6 Земельного кодекса РФ объектами земельных отношений являются: *земля как природный объект и природный ресурс*; а вот *земельные участки, части земельных участков* даются в ст. 11.1 ЗК РФ (с изм. на 3 июля 2016 г.; в ред. от 1 сентября 2016 г.).

Что касается слова *законъ*, то, исходя из смысла “Слова”, с XI в. оно читалось как Законъ Божий, завет, который следует чтить и уж затем, по мысли того же Срезневского, понимать как *установление*, исходящее от власти, противоположное *обычаю, покону*. Корень *кон* тот же, что и в русском *конец, искони, испокон*. А в древнерусском языке *поконъ* — это *обычай, начало*²².

¹⁹ «Для лингвистического изучения “Слова о Законе и Благодати” необходимо обратиться непосредственно к рукописи названного памятника. Старшим по времени из дошедших до нас списков “Слова о Законе и Благодати” может быть признан текст так называемых Финляндских отрывков. Правда, в названной рукописи он сохранился лишь в виде одного сравнительно небольшого фрагмента. Отрывок этот состоит из одного листа, исписанного в два столбца с обеих сторон по 33 строки в каждом столбце, содержит центральную часть речи Илариона» (рукопись хранится в БАН под шифром Финл. № 37).

²⁰ См.: Черных П. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 323.

²¹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т., 6 ч. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1893. С. 971–977.

²² См.: там же. С. 968.

Русские князья, будучи сами потомками династии варяжского происхождения, борясь со своими соперниками, нередко приглашали из-за Балтийского моря варяжских викингов. Отсюда из древнескандинавского к нам проникают слова *варягъ* — *varingr*, *мурман* — *norman*, *вятизь* — *viking*, *гридь* — *gridh*. Последнее слово имело несколько значений: это и младший член княжеской дружины. От него уже образовалось *гридница* специальное помещение во дворце киевского князя. Другие слова из этого языка, например *тиун* (*тивун*) — *thion*, княжеский наместник, *судья* (*ябедник*) — *aembit*, а уже *ambiti* — княжеский чиновник-соглядатай, *вира* — *wergeld*, штраф за убийство, согласно древнейшим статьям “Русской правды” (в этимологии этого слова имеются также и другие объяснения), *ларь* — *larr*, сундук, ковчег²³. В бытовой язык также вошло слово *варега*, варежка (первоначально — варяжская рукавица). Происхождение этого слова связано, вероятно, с тем, что в народных говорах словом *варяг* стали обозначать мелочного разъездного торговца, скупавшего у крестьян всякую всячину в обмен на товары, взятые в долг у купцов.

Самые первые заимствования были сделаны в эпоху общеславянского языка (X–XII вв.), где освоение иноязычных терминов происходило из различных языков и в разное историческое время. Среди учёных-лингвистов нет общей точки зрения на предмет, из какого конкретно языка пришло заимствованное слово. Можно, конечно, применять этимологический анализ истории смыслового значения слова и находить какие-то языковые параллели, что мы и делали в статье. Но нередки случаи, что заимствованные слова, с присущим им первоначальным смыслом попадая в наш язык, утрачивают свои корневые связи с языком, откуда они к нам пришли. Меняется звуковая оболочка слов (например, носовые гласные, которые есть в слове *суфлёр*, или трассирующая *r* в таком слове, как *тротуар*²⁴, во французском языке, не говоря о многочисленных дифтонгах в английском), заимствованное значение полностью ассимилируется в языке-рецепторе и звучит вполне по-русски. В течение времени произношение слов влияло и на их написание, а написанные слова в другом языке меняли своё произношение. Взять хотя бы такое распространённое слово, как

²³ См.: Изборник 1076 г. Л. 270, 10; 272 об., 2 и др.

²⁴ Пособник “чистоты русского языка” адмирал А. С. Шишков — современник А. С. Пушкина, борясь с заимствованными иноязычными словами, вполне серьёзно предлагал заменить недавно вошедшее в язык и ещё непривычное для русского уха слово *тротуар* на легко узнаваемое и исконно русское слово *топталыце*.

дом, которое впервые упоминается в древнерусском языке в XI в. Слово обозначает “любое здание для жилья или учреждения”, а также “живущих вместе людей или семью”²⁵. В латинском языке слово *domus* дало нам понятие “место жительства”. В английском и французском языках есть суффикс *дом (dom)*, который обозначал географическую область. В слове *kingdom* (королевство) *дом* обозначает земли, где правит король — *кинг (king)*. Позднее это слово стало обозначать не столько место, сколько состояние. Например, *freedom* (свобода) означает состояние, когда человек *free (фри)* (свободен)²⁶. К корневой основе слова *дом* идёт приращение других слов или приставок, которые придают полученным словам или новое значение, или сходный оттенок значения по созвучию — то, что получило своё название как калькирование, где построение лексических единиц по образцу соответствующих слов иностранного языка идёт путём точного перевода их значимых частей или заимствованием отдельных значений слов.

В истории языка сменялись периоды преимущественного заимствования. Сначала заимствование чужих иноязычных слов происходило из германских языков — так называемый праславянский период (*изба, князь, купить*), чуть позднее — из скандинавских языков, которые проникли в древнерусский язык из самих славянских языков и говоров, включая его основу — церковнославянский язык. Последний отличался тем, что не являлся разговорным языком, но был канонизирован православной церковью и использовался в качестве языка богослужения²⁷. Конечно, не следует

забывать период Киевской Руси — о ней и её первоисточниках мы уже говорили. Русь соседствовала с такими тюркскими племенами, как булгары, берендеи, половцы, печенеги. Именно от них к нам пришли такие слова, как *боярин, богатырь, ватага, жемчуг, телега, орда*. Слова, пришедшие из тюркских языков, попадали в древнерусский язык преимущественно изустным путем, но иногда отражались и в письменных памятниках собственного литературного жанра. Так, например, особенно заметен этот лексический пласт заимствований в “Слове о полку Игореве”. Встречаются слова тюркского происхождения и в летописях. Сами слова тюркского происхождения в древнейший период заимствовались русскими опосредованно, из языков многочисленных народностей, постепенно сменявших друг друга в качестве ближайших соседей восточного славянства юго-восточных рубежей Древнерусского государства.

Теперь — более подробно о византийском периоде, когда заимствование шло из греческого языка. Становится понятным, что, когда Русь приняла православие (“закон греческий”), оно на века определило культурно-историческое развитие нашего Отечества. В эпоху христианизации Руси, где сказывалось книжное влияние церковнославянского, наш язык пополнился такими словами, как *каторга, палата, лепта, епископ, монах*, из науки пришли такие слова, как *логика, философия, аналогия* и проч. Контакты с половцами, которые сменились татаро-монгольскими набегами и почти 250-летним игом, имели своим следствием то, что с тюркских языков к нам пришли значения слов *аршин, деньги, кабала, казна*. Это всё говорило не только об интернационализации определённой части лексики с легко считывающимся срезом жизни славянских поселений, расширяющим торговый оборот, но и об обогащении самого языка. Затем уже через тюркские языки из персидского и арабского до нас дошли и хорошо себя чувствуют до сих пор такие значения слов, как *кандалы и кинжал*.

Более позднее заимствование шло из польского языка (XVI — XVII вв.), который пополнил нашу лексику такими значениями слов, как *башня, грош, рынок*, а пришедшие из голландского (XVIII в.) заполнили в петровские времена названиями *гавань, дюйм, конвой, форпост*. Немногочисленная группа слов напрямую была связана

²⁵ Семёнова А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М., 2003.

²⁶ См.: Робинсон Д. Масыны. Гл. 17. Тайны языка. СПб., 2014. С. 255.

²⁷ Соотношение русского и церковнославянских языков может идти в терминах диалогизации. По сути это два разных языка, которые взаимодополняют друг друга и воспринимаются его носителями как один язык в двух его функциональных вариантах: профаном (“простом”, “поганом”, устном) и сакральном (“чистом”, “правильном”, нормированном, книжном). В основе первого лежат восточнославянские говоры. Позднее на его основе сложился русский литературный язык, а на основе второго, который по своему происхождению — южнославянский и в семантике своей очень близок к греческому, к нам уже пришло православие. Заимствование в этих языках шло активно, но если из других языков это было аналогом (заменителем), то в этих языках (что было не всегда) подвергалось переосмыслению, например церковнославянский “клеветник” обычно значит “прокурор”, “обвинитель в суде” (в том числе справедливый обвинитель), но уже встречается и значение “ложный обвинитель”, откуда недалеко до современного русского “злостного лжеца”. Иногда общая семантика для двух языков обнаруживает себя в другом морфемном оформлении. Так, современное русское

“нужда” в церковнославянском — “трёбанье”, но церковнославянское значение “нужда” — это “насилие” и в современном русском оно сохранилось как “принуждение” (см.: Седякова О. А. Церковнославяно-русские паронимы. М., 2005. С. 10, 14).

с судостроительным делом, когда во время первой своей заграничной поездки царь Пётр в деталях ознакомился с кораблестроением в Голландии, привёз эти слова в Россию и удивлял ими придворных. Заимствованные термины запоминались окружением царя на удивление быстро. Увлечение государя становилось государственным делом, за которым стояло будущее страны. Помимо военных и ремесленных терминов в петровское время пришли новые понятия из науки, техники, административном управлении страной, скажем, указы Петра, искусство и т.д. Не было, пожалуй, сферы, куда бы не вошли иностранные заимствования. Некоторые из этих слов присутствуют в нашем языке до сих пор, например *алгебра, оптика, порт, капитан, дезертир, контора, акт, тариф* и многие другие, имеющие хождение в торговом мореплавании.

Справедливости ради следует отметить, что сам Пётр потом вынужден был издавать распоряжения, которые были направлены против чрезмерного увлечения иностранными словами, делавшими тексты петровских указов совершенно “невнятными”. Замечательным примером в таком случае является письмо, которое Пётр Алексеевич адресовал польскому посланнику Рудаковскому, о чём собственноручно написал: “В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради тебе впредь реляции свои к нам писать всё российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов”²⁸.

Преобразовательная деятельность Петра I способствовала созданию нового литературного языка, в котором, в отличие от тесного старославянского, основу новой лексики составили западноевропейские заимствования²⁹.

Было бы неправильно не сказать о большом вкладе в изучение и упорядочение иностранных заимствований, который внёс М. В. Ломоносов. В научном труде “Хрестоматия по истории русского языкознания” он изложил свои наблюдения о греческих словах в русском языке в целом и в области образования научных терминов, в частности. “Избегая иноязычных заимствований, Ломоносов в то же время стремился содействовать сближению русской науки с западноевропейской, используя, с одной стороны, интернациональную научную

терминологию, составленную преимущественно из греко-латинских корней, а с другой стороны, образуя новые русские термины или переосмысливая уже существующие”³⁰.

В то же время он считал, что русский язык утратил устойчивость и языковую норму вследствие “засорения” живого разговорного языка заимствованиями из самых разных языков. Это побудило М. В. Ломоносова создать “Предисловие о пользе книг церковных”, в котором ему удалось заложить основы русского языка, соответствующего времени³¹. Увлечение ученого языком вполне объяснимо, так как своё классическое университетское образование он получил в Марбургском университете в Германии как естественник, а до этого учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве.

Для того чтобы сделать чтение иноязычных слов более доступным, переводчики на первых порах сопровождали эти слова (в скобках или после слов *то есть, или*) либо русскими образованиями, представляющими собой кальки и полукальки: *прелюдии — предиграния, юриспруденция — законоискусство*; либо свободным переводом соответствующих понятий: *политика — народоустройство, помпа — словопоказание*; либо русскими эквивалентами вводимых слов: *экскузация — извинение, дифференция — разница*. В некоторых случаях иноязычные слова находили своё объяснение с помощью описательных оборотов, скажем: *эквивалент — равномерное награждение, реверс — письменное обязательство, рекруты — новобранные солдаты, багаж — вещи домовные, мумия — древних лет человек*.

В некоторых случаях в качестве пояснения использовались церковнославянские или древнерусские письменные обозначения, чаще всего являющиеся кальками греческих слов: *афеизм — безбожие, фисики — естествословцы, апостат — отступник*. Иногда в поисках аналогий, когда шло отыскивание лексических соответствий, нередко всё это приводило к тому, что при одном и том же иноязычном слове давались различные пояснения, например *идея — мысль — образ — умовоображение или вид; суксес — окончание дела — предупреждение — успех; публичный — явный — народный — государственный — всенародный* и т.д. Случалось, что одно и то же русское слово давалось при различных иноязычных терминах: например *договор* — использовался для уточнения таких терминов, как *аккорд, кондиция, пароль, контракт, трактат*, хотя

²⁸ Якубинский Л. П. Реформа литературного языка при Петре I. Избр. работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 159, 162.

²⁹ См.: там же.

³⁰ Пигарёв К. В., Фриндлендер Г. М. История всемирной литературы. Ломоносов. М., 1988. С. 69–74.

³¹ См.: там же.

по смыслу значения некоторых слов в корне отличались друг от друга.

Французское и немецкое заимствование (XVIII – XIX вв.) было связано либо с происхождением царствующих особ, либо с увлечением царского двора вопросами государственного строительства, сопровождавшимся очередной “европеизацией” России. Французскому языку мы обязаны заимствованию таких юридических терминов, как *аванс*, *бюджет*, *вакансия*, *дебаты*, *режим*, *реклама*, *реформа*, *солидарный*, *фонд*. Естественно, что все названные слова прошли (претерпели) фонетическую и грамматическую ассимиляцию.

В XIX в. главным образом из немецких слов в результате словообразовательно-семантического калькирования возникли сложные слова типа *взаимодействие* (*wechselwirkung*), *закономерный* (*gesetzmässig*), *правомерный* (*rechtmässig*), *равнозначный* (*gleichbedeutend*), *свободомыслие* (*freidenkertum*). Следует отметить, что наблюдался и обратный процесс, когда заимствовались слова из нашего языка. Скажем, слово *скот*, которое было распространено в германских языках, в словах, имеющих этот корень, они обозначали более отвлечённые значения, такие как *сокровище*, *деньги*, *налог*³². Например, в древнерусском, польском, болгарском, полабском, лужицком, сербохорватском и других славянских языках слово *скот* вместило в себя такие понятия, как *домашние животные*, *имущество*, *подать*, *деньги*. И это далеко не случайно. Так, этимологические словари позволяют высказать предположение о существовании в общеславянскую эпоху денег-скота, понятие которых пришло к нам с германской территории и, хотя на основании косвенных данных, ставит их происхождение в один понятийный ряд. Для сравнения: в готском языке *skatts* – монета, имущество. Такое же значение это слово имело и в древнеисландском *skattr*, хотя в современном исландском *skattur* обозначает налог, дань, в англосаксонском *skat* – достояние, монета, а в современном немецком *schatz* – это уже сокровище, казна. И только в древнефризском языке среди всех германских *skett* значило и *скот*, и *деньги*³³.

С XX в. и по настоящее время идёт мощная волна англоязычного заимствования. Об этих заимствованиях мы будем говорить более подробно, посвятив им отдельную статью. При этом сам

английский язык настолько интернационализировался, что потерял свою языковую принадлежность какой-либо нации или стране. «“Вне очерченных берегов грамматики” рождается, по сути, новый язык. Некий симбиоз двух языков. Снят даже фильм “Спейнглиш” про микст английского с испанским, на подходе и “русглиш”»³⁴. Другие авторы говорят о «гуглоязыке, который настолько интернационализировался во всемирной сети, что впору говорить о том, как “Гугл” создал для нас новый язык»³⁵.

Если сгруппировать заимствования, встречающиеся в законодательных актах в нашем языке, то их, с точки зрения проф. Т. В. Губаевой, можно классифицировать в следующие группы слов. В первую группу терминов, составляющую базовую основу нашей юридической лексики, вошли термины из римского права, такие как *юрисдикция* (лат. *iurisdictio*) – судопроизводство, *вердикт* (англ. *verdict* от лат. *vere dictum*) – верно сказанное, *референдум* (лат. *referendum*) – заслуживающий утверждения, *конвенция* (лат. *convention*) – договор, соглашение и т.д. При вступлении в Совет Европы (1996) Российская Федерация обязалась привести своё законодательство в соответствие с международными европейскими языковыми стандартами. Они не только вошли в нашу лексику, но понятны и доступны для правильного их восприятия и осмысления.

Ко второй группе относятся иноязычные термины, которые пришли в наш язык из различных областей знания: *аффинаж* (фр. *affinage*) – очистка (см., например, ст. 192 УК РФ, где это слово имеется), *бонитировка* (лат. *bonitos*) – доброкачественность и популярный в последнее время термин *стагфляция* (лат. *stagnatio*) – делаю неподвижным и *инфляция* – вздутие, т.е. это инфляция, сопровождаемая застоем и падением производства с безработицей, которая происходит одновременно со стагнацией.

Третью группу заимствований в языке закона составляют полностью освоенные иностранные слова: *зона* (греч. *ξωνη*) – пояс, *документ* (лат. *dokumentum*) – свидетельство, *пенсия* (лат. *pensio*) – платёж. Все они понятны, общеупотребительны, поэтому используются законодателем без ограничений³⁶.

³² Некоторые из примеров, касающихся иноязычной лексики, были взяты из: Д. Н. Шмелёв. Современный русский язык. Лексика. М., 2003. С. 253–272.

³³ См.: Черных П. Я. Указ. соч. Т. 2. С. 172.

³⁴ См.: Если наступит завтра. Интервью с О. Дыховичной и А. Никоновой // Новая газ. 2014. 11 авг.

³⁵ Гасанов Г. В защиту гуглоязыка // Там же. 2015. 17 авг.

³⁶ См.: Губаева Т. В. Деловой русский язык: как правильно составить нормативный документ. Йошкар-Ола. 2000. С. 7, 8.

По поводу заимствованных юридических терминов, их классификации в литературе имеются разные точки зрения. Так, М.Л. Давыдова классифицирует их по источнику происхождения, где выделяет общеупотребительные слова и иностранные заимствования, а по степени конкретности делит на однозначные и требующие толкования. Специфика последних, по её мнению, заключается в отсутствии у них легальных дефиниций. М.Л. Давыдова ссылается на Н.Д. Голева — лингвиста, который в одной из своих работ говорит о таком явлении, как агнонимии (агнонимы) — “слова из иностранного языка, значение которого неизвестно, непонятно или малопонятно носителю языка”³⁷. Как правило, они включают в себя оценочные значения, которые и следует интерпретировать³⁸. Толковать правовую норму, включающую иностранный элемент, конечно, можно и нужно, если смысловое значение термина понятно как в его восприятии, так и в правоприменении. Но здесь речь надо вести о таком явлении в нашем языке, как паронимия, когда малоосвоенные иностранные заимствования (как, впрочем, и исконно русские слова, но ещё малоупотребительные в нашей речи) получают новое значение или имеют близкий фонетический оттенок по созвучию. Лингвисты говорят об этом явлении как об ослаблении лексико-семантической нормы, что и приводит к её искажённому смысловому восприятию и обычно затрудняет юридическую оценку³⁹. В качестве примера возьмём такой “раскрученный” в юридических текстах термин, как *менеджер*. Он у многих на слуху и объединяет в себе целые группы лиц по профессиональной принадлежности. Само слово *manager* — английское и переводится как управляющий, заведующий. В нашем понимании это — начальник “средней руки”. Должность, занимаемая им, престижна и весьма успешна. Только обладатели этой должности (профессии) ничем особо не управляют, скажем, *офис-менеджер* — секретарь (секретарша), *менеджер по персоналу* (русский аналог — системный администратор) — работник кадровой службы, кадровик, даже у продавцов появился *менеджер по продажам*. Сюда же можно отнести

и *бренд-менеджера* — специалиста по продвижению на рынок какой-либо марки товара или услуг. Ещё в более узкой своей специализации — *PR-менеджер*, специалист по связям с общественностью и *IT-менеджер* — специалист по компьютерным технологиям. Для того чтобы разграничить действительных управляющих и директоров от рядовых сотрудников, стали употреблять к начальствующему составу название *топ-менеджер*. Попробуем подобрать к нему русские аналоги, например директор дирекции — хотя и по-русски, но звучит как-то нелепо, а вот главный специалист или председатель правления уже освоились в законодательном языке. Так, главного специалиста можно встретить в органах (учреждениях) государственной и муниципальной власти, а председатель правления — единоличный орган управления, который встречается в таких организационно-правовых формах, как производственный кооператив (ст. 106 ГК РФ — по сост. на 25 октября 2016 г.) Возникла даже целая теория — *менеджеризм*, согласно которой контроль над производством должны осуществлять наёмные управляющие — менеджеры, особенно в сфере производства и предпринимательства⁴⁰.

Интересную мысль высказал в одном из своих интервью М. Эпштейн — культуролог и философ, когда говорил о невозврате кредитов русскому языку: “Пространство русского языка очень разрежено, как и географическое пространство”⁴¹. Это к вечному вопросу, который уже набил оскомину: нужны ли заимствования в русском языке? Безусловно, нужны, особенно в свете постоянных дискуссий в Государственной думе РФ, которые время от времени вспыхивают по поводу иноязычных заимствований. В 2014 г. было заявление фракции ЛДПР по поводу заимствованных иностранных терминов. Лидер партии ЛДПР и заместитель председателя ГД РФ В.В. Жириновский, ряд других депутатов Госдумы настаивали на том, чтобы наиболее употребительные термины иноязычного происхождения были официально заменены русскими дуплетными аналогами с обязательством для представителей прессы употреблять в текстах только русские слова и выражения. Предлагался даже примерный перечень этих терминов, хотя все эти обсуждения — скорее к вопросу не столько о заимствованиях, сколько о самой языковой культуре, более конкретно — об этнолингвистике, включая и проблему исторической памяти

³⁷ Голев Н.Д. Лингвистические тупики юридической техники // Юрлингвистика-8. С. 69, 73; см. также: Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (Слова, которые мы не знаем). М., 1997. С. 414.

³⁸ См.: Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009.

³⁹ См., напр.: Мандрикова Г.М. Агнонимия как нарушение лексико-семантической нормы // Известия Пензенск. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 188–191.

⁴⁰ См. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М., 2008. С. 512.

⁴¹ Ващенко Ю. С. Язык как условие заключения организационного договора // Вестник Волжск. ун-та им. В. Н. Татищева. 2015. № 4 (83). С. 52.

наших народных избранников. Вспомним из недавнего прошлого ГД РФ, когда депутаты в принятом ими же Законе, скажем, от 1 июня 2005 г. “О государственном языке Российской Федерации” при буквальном толковании п. 6 ст. 1 слово *президент* предлагали заменить на *председатель*, а такое привычное, как *депутат*, — на *народный избранник*. Сейчас используется и тот, и другой варианты. Более того, иноязычные *президент* и *депутат* встречаются в текстах гораздо чаще — и не только в прессе. А как быть с языковым аналогом, использующимся в ст. 94 Конституции РФ, где *Федеральное собрание* и *парламент* Российской Федерации — взаимозаменяемые понятия. А говорить о “русскости” происхождения слова *парламент* и подавно не приходится, оно к нам пришло из французского языка. Любопытно, что в официальных документах нередко встречается и такое сочетание слов, как *федеральный парламент*. Поэтому стоит ли опять наступать на те же самые грабли. Конечно, следует рассуждать о причинах заимствования, о тех проблемах, которые возникают при заимствовании в юридическом (законодательном) языке, о структурных трениях, возникающих между базовыми понятиями и языковой нормой, неточностями между адаптированными словами и “протологизмами” (слова, которые предложены языку, но ещё не закрепились в нём). Бывает, что образовавшиеся пробелы в языке пока ещё не заполнены новыми словами, а их нехватка остро сказывается на тех правовых явлениях, которые уже имеют место быть в самом языке, например *хозяйственное партнёрство* (гибридное образование, что-то среднее между хозяйственным обществом и товариществом). Регулируется данная правовая форма Федеральным законом “О хозяйственных партнёрствах” от 3 декабря 2011 г., вступившим в силу с 1 июля 2012 г. Появление данного нормативного акта было связано с попыткой восполнить практику инновационной деятельности, венчурного инвестирования и предпринимательства. Особенно это стало актуальным сейчас, при острой нехватке валютных средств в нашей стране. Только само определение — *венчурные операции* в законе отсутствует, хотя их следует рассматривать как сами денежные операции, так и операции с ценными бумагами. Все они связаны с кредитованием и финансированием технических новинок, научно-исследовательских разработок, включая внедрение изобретений и открытий. Всё это должно проходить через инновационные банки. При этом очень высок риск неполучения доходов по инвестициям. Такие сделки законодатель относит к группе алеаторных (лат. *alea* — игральная

кость, случайность — рискованные сделки)⁴², пришедших к нам уже из французского языка. Регулируются они у нас гл. 58 ГК РФ.

Не следует также только что появившееся заимствованное слово, которое ещё не успело освоиться в русском языке, принимать уже как заданную лексическую норму и вводить в законодательный текст. Для всего нужно время, как бы хорошо новое слово ни ложилось на слух. Привести примеры подобных терминов, которые вошли в комплексный нормативный словарь современного русского языка, где очень много заимствованных слов (памятуя пушкинское: “Но панталоны, фрак, жилет — всех этих слов на русском нет...”)⁴³ просто не берусь. Поэтому сошлюсь на авторитетного учёного в области русского языка — зав. кафедрой русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, проф. М. Л. Ремневу, которая в одной из своих статей⁴⁴ считает, что из некоторых англоязычных заимствований следует выбирать только те, которые отвечают лексической норме, и приводит примеры, скажем, слово *leverage* в переводе с англ. яз. — это рычаг, финансовый рычаг, коэффициент финансового рычага; а во втором своём значении — “соотношение заемного и собственного капитала, собственных и заемных средств”. При этом не рекомендуется применять *леверидж* (так как анализируемое слово в словаре иноязычных терминов⁴⁴ есть в двух вариантах — *левередж* и *леверидж*). А в последнее время в финансовых документах всё чаще встречается его синоним *джиринг* — отношение собственного капитала компании к заёмным средствам (не отсюда ли глагол *джиринговать*?), характеризую устойчивость компании. Это же касается слова *retail* — розничная торговля, сектор розничной торговли, где не рекомендуется употреблять термин — *ритейл* (так как в приведённом словаре этот термин уже имеется). Это правило распространяется и на слово *recruiter* — специалист по подбору кадров/персонала или сотрудник кадрового агентства. Поэтому не рекомендуется слово *рекрутер* (в данном Словаре это слово уже закреплено). И последнее: *recruitment* — подбор сотрудников, подбор кадров,

⁴² См.: Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Указ. соч. С. 46, 165.

⁴³ Отзыв кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова на «Комментарий к Федеральному закону “О государственном языке Российской Федерации”». Ссылки автор даёт на ч. 2 словаря “Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка)”. СПб., 2009.

⁴⁴ См.: Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Указ. соч. С. 460.

подбор персонала применять не рекомендуется, потому что в анализируемом Словаре даются два синонимичных слова — *рекрутинг* и *рекрутмент*⁴⁵. Первое из них — *рекрутинг* уже встречается в юридических текстах. Думается, что в связи с проблемами занятости в России некоторые из приведённых слов скоро получат “прописку” в русском языке.

Следует отметить, что неумеренное введение иноязычной лексики не поколебало “народных основ национального русского языка”. Иноязычные слова всегда отличались повышенной абстрактностью. Некоторые из них легко приживались в русской лексике, другие — нет. Во многом это объясняется тем, что их непривычный звуковой облик существенно затруднял соотнести их с реальными предметами, а в своём языке-источнике они были известны далеко не всем. В качестве примера возьмём некоторые виды ограниченных вещных прав, которые определяются в национальных правовых системах с указанием их в самом законе. Прежде всего это *сервитут*, *суперфиций*, *эмфитевзис* и *узуфрукт*, известные законодательству многих зарубежных стран, которые пришли к нам ещё из римского права. К ним относятся частноправовые сервитуты, которые известны практически всем национальным правовым системам. В законодательстве отдельных государств они именуются соседскими правами, или иными вещными обременениями. Данный институт в гражданском праве России пока отсутствует; готовятся изменения в ГК РФ в виде законопроекта, который включит в себя ст. 293 “Ограничение права собственности на земельный участок в пользу соседа”⁴⁶. При этом земельные сервитуты предполагают следующие обязательные признаки: один участок (служебный) служит другому участку (господствующему), обеспечивая постоянное служение нуждам собственника господствующего участка в интересах и к выгоде последнего. Участки должны быть соседними, но не должны проходить межевания, т.е. обязательно соприкасаться. В действующей редакции ГК РФ это — ст. 274–277. Регулируется данный институт и ст. 23 Земельного кодекса РФ (в ред. от 15.05.2016 г.). Только спросите простого гражданина-пользователя, не обременённого знаниями

ограниченных вещных прав на строение или земельный участок: “Что такое сервитут? Это — право или ограничение прав?”. Исчерпывающего ответа на данный вопрос мы вряд ли получим. Это к вопросу языковой лакуны, которую необходимо заполнить одним ёмким словом, отражающим не только специфику данного понятия, но и коммуникативно-фактическую точность законодательного термина⁴⁷.

Следует согласиться, что такая интерпретация данных терминов известна только специалистам, которые вплотную занимались вопросами установления сервитута на земельных, дачных или огороднических участках. Тем не менее сервитуты давно вошли в наш язык и известны российскому законодательству (ст. 274, 276, 277 ГК РФ, ст. 30 ЗК РФ).

Что касается терминов *суперфиций*, *эмфитевзис* и *узуфрукт*, то они встречаются в текстах гражданского и земельного законодательства. О них написано уже достаточно много. В одной из своих статей я анализировал историю появления и современного состояния этих нормативных дефиниций⁴⁸, и в части их “прописки” в нашем языке у меня есть большие сомнения. Они касаются в первую очередь фонетической (фонологической) оболочки названных слов: слишком непривычно для нашего слуха звучат эти римские термины, хотя не исключается также и тот вариант, что они всё-таки войдут в активный вокабуляр нашей лексики и станут повсеместно употребительными. Во многом это зависит от того, какое место они займут не только в литературе, но и в правоприменительной практике.

В заключение хочу сказать о том, что процесс заимствования неизбежен хотя бы потому, что в нашем языке не достаёт тех слов (терминов), которые своим смыслом могли бы отразить целое правовое направление или явление в парадигме тех изменений, которые происходят в нашем законодательстве. И конечно, заимствованное слово должно иметь ту языковую материальную оболочку, которая была бы доступна для восприятия и понимания нашими гражданами как носителями языка.

⁴⁵ См.: там же. С. 735, 720.

⁴⁶ См., напр.: Емелькина И. А. Институт ограничения права собственности в пользу соседей (соседское право) в российском праве и в праве отдельных европейских стран // Вестник гражданского права. Т. 16. 2016. № 2. С. 101.

⁴⁷ См.: Ващенко Ю. С. О коммуникативной точности законодательного текста в правотворчестве // Росс. юстиция. 2006. № 4. С. 58.

⁴⁸ См.: Ващенко Ю. С. Терминологическое единство дуплетных оценочных понятий и их разграничение в земельных правоотношениях // Вестник Волжск. ун-та им. В. Н. Татищева. 2015. № 2. С. 96–105.